

УДК 398.33(=512.156)+94(5)
DOI 10.25205/2312-6337-2019-1-41-45

Ж. М. Юша

Институт филологии СО РАН

О взаимодействии культурных кодов в обрядовой традиции

В статье рассматривается взаимосвязь вербального компонента с другими культурными кодами, характерная для ритуально-фольклорной традиции тувинцев Китая, России и Монголии. В работе подробно описано взаимодействие каждого культурного кода (акционального, пищевого, пространственного, персонажного, временного, игрового, числового, цветового, предметного, звукового, музыкального) с вербальным элементом обрядовой практики тувинцев. Выявлено, что взаимосвязь вербального элемента с другими культурными кодами выражается в их как более близких, так и в отдаленных отношениях, в зависимости от функционального назначения ритуала, степени его реализации, заложенных в него мифологических представлений.

Ключевые слова: тувинцы Китая, России и Монголии, тувинский фольклор, ритуальная традиция, культурные коды, вербальный компонент, взаимодействие культурных кодов в обрядовой традиции.

В обрядовой традиции культурные коды, являясь элементами огромной знаковой системы, играют важную роль. Именно выполнение основных характеристик каждого культурного кода задается обрядовой традицией, которая подразумевает действенность магической силы при условии соблюдения всех предписаний обряда. Культурный код – это совокупность (набор) устойчивых символов и знаков, особо значимых для этноса, поэтому объединенных внутренней структурой и семантикой, обладающих определенным содержанием. В тувинской обрядовой традиции мы выделяем 12 культурных кодов: акциональный, вербальный, временной, звуковой, игровой, музыкальный, персонажный, пространственный, предметный, пищевой, числовой, цветовой [Юша, 2018a].

Цель статьи – рассмотреть взаимосвязь вербального компонента с другими культурными кодами в обрядовой традиции тувинцев Китая, России и Монголии.

Вербальный код выполняет важную роль в обрядовой традиции всех этнолокальных тувинских групп как один из основных магических элементов проводимых обрядов. Словесный элемент выделяется среди других культурных кодов большей функциональностью и семантической нагрузкой, так как он является одним из связующих звеньев в системе культурных кодов. В ритуальной традиции тувинцев вербальный компонент представлен разными жанрами обрядового фольклора [Юша, 2017, с. 19], он функционирует от начала и до завершения ритуала. Особенно это заметно в обрядах детского цикла, когда «ритуал благопожелания занимает практически все обрядовое время, благожелательные тексты при этом являются единственной формой вербального поведения его участников» [Агапкина, Виноградова, 1994, с. 206]. Большинство фольклорных произведений (за исключением благопожеланий, используемых в повседневной речевой культуре), включенных в структуру обряда, не могут функционировать вне ритуала, так как их значение раскрывается только в

Юша Жанна Монгеевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, к. 206, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.
E-mail: zhanna-yusha@yandex.ru; тел. (раб.): 8-(383)-330-14-52.

условиях обряда. Кроме фольклорных жанров, к вербальному компоненту относится и обрядовая терминология, характеризующая наименования персонажей, а также разнообразные названия проводимых обрядов и ритуальных действий, в которых проявляется богатство языковых средств ритуала.

В процессе совершения обрядов отмечается непосредственная связь вербального компонента с другими культурными кодами ритуала (см. рис.). Как отмечает А. В. Гура, «структура и семантика различных кодов, объединенных знаковостью ритуального поведения в целом, образует сложное семантическое пространство обряда – обрядовую реальность» [2006, с. 268].

Рис. Связи вербального компонента с культурными кодами обряда.

В первую очередь, обрядовое слово тесно взаимосвязано с *акциональными действиями*, совершаемыми участниками обряда. В ритуальной традиции тувинцев Китая, России и Монголии в большинстве случаев вербальный компонент и ритуальное действие дополняют друг друга, взаимодействие этих элементов раскрывает семантику обряда, его главную ритуальную функцию. В ходе произнесения словесных формул особое внимание уделяют жестам, мимике и телодвижениям исполнителей. Так, характерной позой исполнителя обрядовых текстов в культовых, промысловых, семейно-бытовых ритуалах является поза коленапреклонения в знак благодарности божеству. Именно такое сочетание слова и действия рассчитано народной традицией, без них обряд не считается состоявшимся. Несмотря на эти признаки, в обрядовой практике всех этнолокальных тувинских групп взаимодействие вербального и акционального кодов имеет определенные особенности. Выявлено, что в некоторых случаях словесный элемент может «выпадать» из контекста проводимого обряда, то есть может заменяться конкретными ритуальными действиями, совершаемыми участниками обряда. В то же время отмечается и обратное явление, когда в редких случаях акциональный элемент может заменяться вербальным кодом. Так, в календарных и промысловых обрядах, проситель / устроитель обряда, не выполняя некоторые ритуальные действия, может озвучивать их словесно-поэтическим образом. Считается, что обряд проводится в рамках традиции, в этом не видят отклонений, так как наблюдается ситуативный и вариативный характер совершения обрядовых действий. В большинстве случаев исполнение благопожеланий в семейно-бытовых и календарных обрядах сопровождается разными ритуально-магическими действиями, усиливающими действенность благопожеланий. Например, у китайских тувинцев г. Алтая благословитель держит в руках чашу с топленным маслом, перед высказыванием благопожелания он мажет им свои губы. Это акциональное действие символизирует благие и чистые намерения говорящего, веру в магическую силу слова. У славянских народов, как считают исследователи, также «удельный вес обрядового слова в той или иной ситуации непосредственно зависит от ритуального действия. Ритуально-магическое действие, как правило, несет на себе основную смысловую нагрузку и “хронологически” предшествует слову, его сопровождающему» [Агапкина, Виноградова, 1994, с. 185]. В то же время у тувинцев адресаты благопожеланий должны держать ладони поднятыми

вверх. По народным традициям, данный жест является одним из действий, олицетворяющих принятие адресатами благих пожеланий, чтобы доброе слово «впиталось» в самого человека.

Обрядовое слово произносится в определенном пространстве и в подходящих для этого условиях и обстановке, что его тесно связывает с *пространственным кодом* ритуала. В существующей пространственной схеме обряда происходит разделение на свое и чужое. Свое – это территория, освоенная человеком, его привычное пространство. Чужое пространство имеет двойное значение. С одной стороны, это враждебная, неосвоенная территория для человека; с другой – сакральное пространство, где обитают духи-хозяева и божества. Учитывая эти обстоятельства, произнесение фольклорных текстов в процессе ритуала также подчиняется определенным правилам, касающимся пространственных параметров. В народной культуре существуют запреты на произнесение обрядовых текстов в неподходящих местах и не по месту назначения. Поэтому в нем отчетливо проявляются следующие структуры пространства, которые акцентируются во время ритуалов: горизонтальная (юг, восток, север, запад) и вертикальная (Верхний и Средний мир), локусы дома / юрты, скотного двора, мест, имеющих статус повышенной сакральности.

Вербальный элемент ритуала имеет связь с *временным кодом*, так как любой обрядовый текст произносится на определенном этапе ритуала при соблюдении временных рамок. Наиболее значимыми являются выбор благоприятной даты по восточному календарю, а также проведение ритуала в определенный временной отрезок (ночь – утро – вечер), во время которого участникам можно произносить обрядовые тексты, характерные для того или иного ритуала. Кроме этого, имеет значение и то, что в структуре семейных и календарных обрядов время воздействия обрядового слова различается. В благопожеланиях семейного цикла время нацелено на будущую жизнь адресата до окончания его жизненного пути. В календарных ритуалах срок действия вербального кода длится только один год, как и действие самого ритуала, который должен повториться через год [Юша, 2018б, с. 150]. Обычно в этих обрядовых текстах подробно описываются желаемые блага (благополучие детей, плодовитость скота, хороший травостой) на определенное время.

Взаимодействие вербального кода с *персонажным* проявляется в том, что к главным лицам ритуала предъявляются определенные требования (пол, семейный статус, возраст исполнителя обрядового текста). В календарной обрядности отдают предпочтение произнесению текста от имени всего коллектива умудренным жизненным опытом аксакалом, достойным уважения. В свадебной обрядности человек, произносящий доброе пожелание, должен быть старше возраста новобрачных. В детском цикле присутствуют представления о том, что пожилые люди, посвящая ребенку благопожелание, могут передать благодать своего возраста. Также считают, что повитуха, которая произносит ритуальный текст, должна быть спокойного нрава и иметь здоровых детей. Обряд расплетания косы невесты проводят две женщины, состоящие в счастливом браке и имеющие детей, которые благословляют новобрачную, поскольку считается, что их слова очень действенны и имеют сакральность. Кроме этого, в персонажном коде незримо присутствуют и образы мифологических персонажей, которые для участников того или иного ритуала являются адресатами обрядовых текстов, а также объектами их поклонения. Так, в календарной и семейной обрядности участники поклоняются духам-хозяевам местностей (*ээзи, саттык*), перевалов (*арт ээзи*), домашнего очага (*от ээзи*).

Пищевой код имеет тесную связь не только с *вербальным компонентом*, но и с *акциональными, пространственными* элементами. Например, в календарных и семейно-бытовых обрядах отправитель ритуала, совершая акциональные действия (разжигание жертвенного огня, подвизывание ритуальных ленточек), в обязательном порядке должен сопровождать их обрядовыми текстами и жертвенной пищей, предназначенной для божеств и духов-хозяев, и окроплением (виной, молоком) в определенные стороны света (юг, запад, север, восток). Важное значение имеет и то, что для проведения обрядов перехода (рождение, свадьба, смерть) имеется ритуальная еда (баранья голень, баранья грудинка, курдюк барана, молочные продукты), которая в обрядах может выступать в качестве ритуальной атрибутики, что связывает пищевой код с предметными элементами обряда. Кроме того, в ритуальной традиции персонажный код взаимосвязан и с пищевыми элементами. Например, в семейных обрядах курдюк барана в знак почтения преподносится особо значимым обрядовым лицам: повитухе, дяде по матери, родителям невесты и жениха.

В ходе традиционных состязаний и игр обнаруживается взаимосвязь вербального компонента с *игровым кодом*. Эта связь обычно выражается в форме различных речевых жанров: словословий, дразнилок, выкрикиваний, звукоподражаний, заклинаний (обычно произносимых про себя или шепотом). В них обычно в завуалированной форме передаются устоявшиеся мифологические воззрения народа, добрые пожелания и мольбы, а также настроения и чувства участников.

Присутствие *цветового и числового элементов* в вербальном коде менее заметно, несмотря на многообразие цветовой гаммы, используемой в ритуальных предметах. В редких обрядовых текстах может употребляться название определенного цвета ритуальных лент, привязываемых в качестве жертвоприношения или дара духу-хозяину местности или божеству. Как отмечено нами, в словесных текстах календарной обрядности, встречаются только два наиболее значимых цвета: белый и синий, несущие в процессе ритуала большую семантическую нагрузку. Остальные цвета (зеленый, красный, желтый) в вербальном коде обычно не упоминаются. Как правило, в редких случаях в обрядовых текстах встречается применение ряда устоявшихся чисел, имеющих определенную символику: 15 (день новолуния как благоприятная дата для проведения ритуалов), 3 (тремякратный обход ритуального места), 4 (четыре стороны света), 5 (пять видов цветовой гаммы, используемых в ритуалах).

Вербальный элемент во время проведения ритуала взаимодействует с *музыкальным и предметным кодами*. Под музыкальным элементом имеем в виду песни, включенные в структуру обряда, которые нередко «...передают сюжет и содержание обряда в образно-поэтической форме, метафорически и символически» [Гура, 2006, с. 272]. Это отчетливо проявляется в свадебной традиции исполнять обрядовые песни в доме родителей невесты и жениха, произносить благопожелания при одаривании родственников новобрачных. Но в то же время в некоторых «закрытых» ритуалах, например, в обряде захоронения плаценты, исполнение песен отсутствует, но произнесение благопожеланий сохраняется, так как участники ритуала преследуют цель – обеспечить безопасность новорожденного, не привлекать внимание потусторонних сил.

Предметный код имеет тесную связь с вербальным кодом в том случае, если ритуальный атрибут обязательно применяется при произнесении обрядового текста в проведении календарных и семейных обрядов. Так, в родинной обрядности их участниками в ритуальных целях используются расческа, зеркало, лук со стрелой и кокемялка (миниатюрных размеров), колыбель, первая рубашка ребенка, баранья голень, можжевельник, послед, ножницы, подвязанные ритуальной ленточкой. В календарных обрядах – *чула*-лампадка, бедренная кость коровы или барана, ритуальные ленточки, можжевельник, табакерки и др.

Звуковой аспект также связан с вербальным кодом, в нем отражаются мифологические представления об особом отношении к звуку. Характерной чертой звукового кода является присутствие бинарной оппозиции громкость–бесшумность путем использования разных звуковых форм [Юша, 2018а, с. 14]. Аспект громкости характерен для следующих ритуалов. В новогодней обрядности издаются нарочито громкие звуки, бессвязные крики, голошение, свист, чтобы изгнать все плохое вместе с уходящим годом. Эффект громкости присутствует и в летней обрядности, когда участники хором произносят устойчивую формулу: *Хурай-хурай-хурай*, а также издают громкие бессвязные звуки. Кроме того, в прошлом в окказиональных обрядах – при затмении Солнца или Луны – тувинцы проводили обряд, в котором участниками издавались громкие звуки (лай собаки, звон металлических предметов, крики одинокого мужчины или женщины). Для некоторых обрядов семейного цикла (свадьба, первая стрижка волос ребенка) также характерно доминирование громких звуков, когда обрядовые тексты произносятся в наиболее значимые моменты ритуала. Например, когда невеста находится за свадебной занавесью, все собравшиеся гости пожилого возраста произносят благопожелания поочередно, по ходу солнца. Бесшумность характерна для обряда захоронения послета и пиршества в честь рождения ребенка [Юша, 2018б, с. 142]. Их участникам нельзя издавать громкие звуки, выражать бурную радость, исполнять песни, так как это согласуется с функциональным назначением этих ритуалов и связано с тем, чтобы уберечь и обезопасить новорожденного от влияния злых сил. Во время этих ритуалов, например, мать ребенка произносит *чалбарыыр*-заклинание мысленно, шепотом или про себя, поскольку человек излагает свою просьбу, адресованную духам-хозяевам или божеству.

Таким образом, рассмотренные культурные коды, присутствующие в основе каждого ритуала, являются неизменными составляющими обрядовой культуры китайских, российских и монгольских тувинцев. В обрядовой традиции взаимосвязь вербального элемента с другими культурными кодами выражается в их как более близких, так и отдаленных отношениях. Так, в зависимости от функционального назначения ритуала, степени его реализации, заложенных в него мифологических представлений, числа участников, его закрытости / открытости они могут быть обязательными или необязательными составляющими обряда. К обязательным компонентам ритуала относятся вербальный, временной, акциональный, звуковой, пространственный, персонажный, предметный, пищевой, числовой, цветовой аспекты. К необязательным (переменным) – игровой и музыкальный коды, которые не реализуются в некоторых обрядах: закапывании плаценты ребенка и пиршестве при рождении ребенка.

Список литературы

- Агапкина Т. А., Виноградова Л. Н. Благопожелание. Ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. М.: Наука, 1994. С. 168–208.
- Гура А. В. Соотношение и взаимодействие акционального и вербального кодов свадебного обряда // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. М.: Индрик, 2006. Вып. 10. С. 268–279.
- Неклюдов С. Ю. К вопросу о фольклоре и обряде // Миф, символ, ритуал. Народы Сибири. М., 2008. С. 11–22.
- Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. 509 с.
- Юша Ж. М. Обрядовый фольклор тувинцев Китая в сравнительном освещении: жанровые признаки // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 19–28.
- Юша Ж. М. Культурные коды в ритуальной традиции тувинцев Китая // Сибирский филологический журнал. 2018а. № 3. С. 9–16.
- Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в XXI веке. Структура. Семантика. Прагматика. Новосибирск: Наука, 2018б. 400 с.

Zh. M. Yusha

Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
zhanna-yusha@yandex.ru

On the interaction of cultural codes in the ritual tradition

The article analyzes the relationships of the verbal component with other elements in the ritual tradition of Tuvans of China, Russia and Mongolia. It is noted that among cultural codes the verbal element stands out with more functionality and semantic charge in performing the rites. The ritual word is closely related to actions performed by the participants of the ceremony (gestures, facial expressions, body movements). The verbal component is pronounced in a certain space and in environment suitable for it conditions that are associated with the spatial code of the ritual. The verbal element is also associated with the time code, since any ritual text is pronounced at a certain stage of the ritual, at observance of time-frame. The interaction of the verbal code with the character code is manifested in the fact that in the rites the text is preferably recited by respected people. The unity of the food code is indicated not only with verbal code, but also with actional, spatial, object elements. In competitions and games the interdependence of verbal components and the game code is revealed. Colour and number elements in verbal code are less noticeable, but they are also used in ritual formulas. The object code has a close connection when the ritual attribute is used while pronouncing the ritual text. The connection of the sound and verbal aspects is expressed when during a ritual texts are pronounced with volume effect.

Keywords: Tuvans of China, Russia and Mongolia, Tuvan folklore, ritual tradition, cultural codes, verbal component, interaction of cultural codes in the ritual tradition.

References

- Agapkina T. A., Vinogradova L. N. Blagopozhelanie. Ritual i tekst [Good wishes. Ritual and text]. In: *Slavyanskiy i balkanskiy folklor: Verovaniya. Tekst. Ritual* [The Slavic and Balkan folklore: Beliefs. Text. Ritual]. Moscow, Nauka Publ. House, 1994, pp. 168–208. (in Russ.).
- Gura A. V. Sootnoshenie i vzaimodeistvie aktsional'nogo i verbal'nogo kodov svadebnogo obryada [The correlation and interaction of the actional and verbal codes of the wedding ceremony]. In: *Slavyanskiy i balkanskiy folklor: Semantika i pragmatika teksta* [The Slavic and Balkan folklore: Semantics and pragmatics of the text]. Moscow, Indrik Publ. House, 2006, iss. 10, pp. 268–279. (in Russ.).
- Neklyudov S. Yu. K voprosu o folklore i obryade [To the problem of folklore and ritual]. In: *Mif, simvol, ritual. Narodi Sibiri* [Myth, symbol, ritual. The peoples of Siberia]. Moscow, 2008, pp. 11–22. (in Russ.).
- Tolstoy N. I. *Yazyk i narodnaya kul'tura: Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow, 1995, 509 p. (in Russ.).
- Yusha Zh. M. Obryadovyy fol'klor tuvintsev Kitaya v sravnitel'nom osveshchenii: zhanrovyye priznaki [Ritual folklore of the Tuvans of China in a comparative perspective: genre signs]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 3, pp. 19–28. (in Russ.).
- Yusha Zh. M. Kul'turnie kodi v ritual'noi traditsii tuvintsev Kitaya [Cultural codes in the ritual tradition of the Tuvans of China]. *Siberian Journal of Philology*. 2018, no. 3, pp. 9–16. (in Russ.).
- Yusha Zh. M. *Folklor i obryad tuvintsev Kitaya v XXI veke. Struktura. Semantika. Pragmatika* [Folklore and ritual of Tuvans of China at the beginning of the XXI-th century: Structure. Semantics. Pragmatics]. Novosibirsk, Nauka Publ. House, 2018, 400 p. (in Russ.).